

Оскар Лутс

Будни

Оскар Лутс

Будни

1924

Лутс О.

Будни / О. Лутс — 1924

Содержание

I	5
II	8
III	16
IV	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Оскар Лутс

Будни.

Паунвереские картинки

I

Спустя некоторое время после свадьбы Тоотса Бог знает, из каких краев и каким образом в Паунвере прибывают две сестрицы, Юули и Маали, и устраиваются на жительство в доме булочника. По роду занятий Юули – портниха, Маали – вязальщица кофт. Фамилия их из памяти пишущего эти строки выветрилась, но если бы он ее теперь где-нибудь и разыскал, ему все равно не оставалось бы ничего иного, как изменить ее тем или иным образом, ибо никогда не следует сеять себе врагов – они вырастают и сами. Между прочим, автор этих историй пришел к такому заключению, когда у него возникли трения с господином Киппелем, а именно – накануне свадьбы Тоотса. Фамилия же поименованных выше сестер не нужна ни читателю, ни рассказчику еще и по другой причине: вскоре жители Паунвере дали сестрам весьма своеобразные прозвища, которые будут сообщены читателю незамедлительно, как только настанет подходящее для этого время. Старшая сестра Юули, швея, отличается большим ростом, сухопара и неизменно носит огненно-красную шляпу; девица так высока, что еще немного и смогла бы заглянуть в окно верхнего этажа дома булочника. Ее костлявые, но сравнительно широкие плечи увенчивает неожиданно маленькая головка, которая казалась бы еще меньше, если бы ее – в свою очередь неожиданно – не обрамляла толстенная и черная как смоль коса. Единственное, в чем нет ничего особенного, так это спокойные цвета смородины глаза девушки, вполне доброжелательно взирающие на божий мир и на людей. Благодаря аккуратной работе, умеренным ценам и приветливому обращению с заказчицами она вскоре становится подругой местных девиц и женщин; мужчины же, в особенности молодые парни, никак не желают укоротить свои языки и на все лады подтрунивают за спиной портнихи над ее ростом. Маали же, вторая сестра, решительно отличается от первой, как ростом, так и характером. Коротенькая, толстенькая, с каштановыми волосами, она всегда и всюду готова смеяться все равно над чем или над кем; сдержанная серьезность старшей сестры ничуть на нее не влияет. В первые четверть часа знакомства Маали можно принять просто-напросто за кокетливую девицу, которая только и делает, что смеется и хохочет, но впечатление первой четверти часа слишком часто бывает обманчивым; в действительности, Маали находит время и для смеха, и для работы, и для домашних хлопот, в её обязанность входит даже приготовление пищи. Следует ли требовать от молодой девушки большего, если и сами мы вряд ли делаем хотя бы столько?! Маали подвижна, жизнеспособна и жизнедеятельна, ко всяким житейским передрягам относится с завидной легкостью и способна смеяться даже в те минуты, когда старшая сестра сумерничает у окна, подперев щеку рукой и печально глядя на улицу.

Таким образом, сестрички уже несколько недель живут себе спокойно в своем новом паунвереском пристанище, трудятся и пребывают в добрых отношениях как друг с другом, так и с окружающими людьми.

Однако... зависть – растение ядовитое, как говорит старый писатель Я. Ярв.

Как, возможно, помнят читатели по первым моим историям, в Паунвере уже чуть ли не с допотопных времен проживает всем тут известный мастер-портной Кийр. Этот самый мастер в течение десятилетий считает себя единовластным вершителем портновского дела в Паунвере, и не без достаточного на то основания, ибо лишь два или три раза какой-нибудь другой король иголки осмеливался вступить с ним в конкуренцию. Но срок жизни конкурентов в Паунвере

всегда бывал короток – знаменитый мастер быстро делал их посмешищем в глазах местных жителей: он просто-напросто «выедал» их в радиусе 7-8 верст. С течением времени Бог дал Кийру прибавление в рабочей силе, теперь в его доме работают уже 1 1/2 парами ножниц и купили вторую швейную машинку. Шагающий в ногу с требованиями времени мастер в конце концов шагнул уже так далеко, что в более спокойные месяцы года, когда заказов на мужское платье становится недостаточно, не чурается и так называемой женской работы. Во всяком случае – мастер по-прежнему любит то и дело употреблять в разговоре это выражение! – да, во всяком случае, доселе в доме Кийров хватало работы, так же, как и хлеба; мало того, стало возможным время от времени отвозить сотню-другую в городской банк под проценты.

И вдруг грянул гром с огненного неба: эта оголтелая удилищеобразная латательница юбок, которая обосновалась в доме булочника, не ограничивается только «женской» работой, но так и норовит прихватить еще и «мужскую», то есть покушается на его, Кийра, ломоть хлеба. Слухи об этом доходят до ушей старого мастера со всех сторон, вновь и вновь подтверждаясь: мамзель в красной шляпе сшила сыну такого-то и такого-то паунвересца костюм и пальто. Даже и собственный отпрыск мастера младший Бенно уверяет, что у нескольких его соучеников костюмы от «новой» портнихи. И главное, работу мамзели в красной шляпе все больше и больше нахваляют.

Такое положение вещей приводит завистливого мастера-портного в бешенство. Он раскрывает все шлюзы и мажет дегтем молодую портниху, словно крышу; но все, как новые, так и старые приемы, к которым он прибегал прежде для уничтожения своих конкурентов, на этот раз не срабатывают. И в один из воскресных дней ему приходится выслушивать следующий, происходивший за его спиной разговор:

«Нет, – говорит какая-то хуторянка другой, – чего ты к нему пойдешь! Пошли лучше к Длинной Юули, она куда дешевле, да и шьет лучше, чем старик Кийр. Гляди-ка, сыну этой, как там ее, пальто сшила, сидит как влитое».

Во всяком случае, – если вновь употребить выражение старого мастера, – во всяком случае, Длинная Юули оказалась конкуренткой куда более серьезной, чем все прежние вместе взятые, и более высокой, чем все прежние, взятые поодиночке. Может быть, первое объясняется тем, что Длинная Юули имеет дело преимущественно с женщинами, а, как известно, среди женщин всегда легче, нежели среди мужчин снискать расположение, будь ты хоть самым чертом.

Естественно и само собою, разумеется, что к портнихе, как к конкурирующей стороне, вкупе с папашей питают злость и три его на редкость привлекательных сына. Мамаша же Кийр, в противоположность им, берется за дело «с другого конца» и старается разведать как можно больше важного о прошлой и даже теперешней личной или так называемой интимной жизни сестер. «Да-а, да-а, одному Богу известно, кем они прежде были и откуда они вообще родом. Разве же вам не случалось замечать, тетушка Кримсли... Нет, нет, с такими птичками нужно держать ухо востро!» И так далее, и так далее.

Каждый раз, когда старший сын мастера Хейнрих Георг Аадниель, направляясь по делам в магазин, проходит мимо дома булочника, вид у него свирепый, как у разъяренного барсука, и он сплевывает влево и вправо, словно бы вблизи жилища Длинной Юули к горлу его подступает тошнота; мысленно же Аадниель беспрерывно подбирает для ненавистной конкурентки всё новые презрительные прозвища, призванные как можно более высмеять ее и уязвить. Ведь в Паунвере эта портниха действительно «новая» – факт есть факт! – поэтому в словосочетании «новая портниха» для нее нет ничего обидного, а то, что за высокий рост ее прозвали Длинной Юули – так и это тоже тютелька в тютельку соответствует действительности и не может причинить конкурентке сколько-нибудь значительного морального ущерба. Надо, надо придумать совершенно иное прозвище, которое бы кололо, как иголка! И рыжеголовый, щуря один глаз, хихикая про себя и гримасничая, с завидным упорством подкидывает паунве-

ресцам перлы своего остроумия – такие как Жирафа, Громоотвод, Каланча и тому подобное. Но, несмотря на все его усилия ни одно из этих прозвищ «не проходит» – жители Паунвере по-прежнему называют приезжую либо «новой портнихой», либо Длинной Юули.

И вдруг какой-то нахал (во всяком случае, не Кийр!) придумывает для Юули еще одно, вовсе уж шутовское прозвище – Помощник Начальника Станции, связанное, скорее всего, с красной шляпой особы, о которой идет речь. Прозвище это мгновенно утверждается и, возможно, существует до сих пор.

Почти в то же время на свой манер «почтили» и Маали, младшую из сестер. Кто-то (не Кийр) когда-то перелистывал какую-то историческую книгу времен Моллера и высмотрел там портрет средневекового короля Клодвиг. ¹ На ногах у названного короля были сапоги с узкими носами длиной чуть ли не в аршин, помимо же этого он ничего интересного собою не представлял. По случайности и у Маали тоже оказываются большие ноги... Одним словом, начиная с этого времени, поселившиеся в доме булочника сестры становятся известны в основном по прозвищам «Помощник Начальника Станции» и «Клодвиг».

Так же пусть будут известны они и читателю.

Хейнрих Георг Аадниель качает головой: всего этого все же вроде бы маловато, – иголок, иголок надо бы насыпать им, живущим там, в доме булочника! В сердце молодого Кийра кипит и клокочет страшная злость к двум сестрам, словно они виновны во всех прежних неудачах, постигших рыжеголового – и на хуторе Рая, и на хуторе Юлесоо, и вообще чуть ли не всюду, куда только ни ступала его тонкая, как жердь, нога.

¹ ...времен Моллера – очевидно, имеется в виду датский историк Моллеруп (1846-1917), который писал об истории эстонцев, некогда бывших под владычеством Дании. Одна из его книг вышла в Эстонии на немецком языке в 1884 году и в народе получила название «история Моллера».

II

И вот у некоего подающего надежды молодого человека опять появляется надобность зайти в паунверескую лавку – нужно купить то да сё, так... по мелочи, товар посерьезнее, разумеется, привозится из города.

Поравнявшись с домом, где живут портники, Аадниель отворачивает лицо в сторону, можно подумать, будто он узрел нечистую силу; портной сосредоточенно смотрит в придорожную канаву и плюет. При этом походка его разом становится странной: вместо обычных шагов тоненькие тросточки молодого мастера начинают частить, отчего создается впечатление, будто кто-то подталкивает его сухопарую фигуру сзади. Лишь отойдя на некоторое расстояние, он оглядывается, – сестрички, во всяком случае, и на этот раз не могли не увидеть, как он, Кийр, их презирует.

В лавке Аадниель Кийр всегда проводит много времени, для него это словно бы развлечение после долгого рабочего дня. Рыжеголовый заставляет продавца расстилать на прилавке множество кусков ткани, осведомляется о цене, торгуется, жжет на огне спички выдернутые из материи ниточки, качает своей рыжей головой, но покупает до смешного мало. Затем вдруг выглядывает на улицу, пугается, восклицает: «Ого, уже стемнело!» – и торопится уходить. Стало быть, так: завтра или послезавтра он снова придет, просмотрит товар еще раз и тогда, весьма возможно, и впрямь купит аршин-другой какой-нибудь материи... конечно, если сторгуется.

– Ну что за проклятуший сегодня день! – ворчит продавец себе в бороду после того, как посетитель скрывается за дверью. – Заходят только затем, чтобы узнать цену, а о том, чтобы купить, и речи нет. – И продолжает, укладывая рулоны материи на полку. – Видали, заставил все развернуть и свалить в одну кучу, а сам умотал! Стемнело... Он, видите ли, не может покупать, ежели на улице стемнело! Вот и поторгуй с такими!

А Кийр, направляясь домой сквозь зимний вечер, торопливо семенит по рыхлому снегу дороги. Рыжеголовому никогда не доставляло особого удовольствия ходить одному в темноте, не доставляет и теперь, поэтому он жмет на все педали и всё убыстряет шаг. Идти поселком еще терпимо – ходят люди и в окнах светятся огни, но там, дальше, там, возле моста через ручей Киусна... эта старая высохшая береза со вскинутыми как руки ветвями...

Миновав дом булочника, Аадниель видит две человеческие фигуры, идущие ему навстречу. Еще несколько шагов, и вот уже молодой портной узнает встречных: Помощник Начальника Станции и Клодвиг возвращаются домой с вечерней прогулки. Черт бы их побрал!

Но вот уже узнают и его, иначе как бы могла случиться такая история, какой еще никогда прежде не случалось.

– Добрый вечер, господин Кийр! – восклицает женский голос.

– Кхе-гм... – хмыкает Кийр в ответ и сопит. Не хватало еще, чтобы эти две сестрицы к нему на большаке «пристали»!

– Куда это вы так спешите? – спрашивает тот же голос, и девушки преграждают молодому человеку дорогу.

Кийр сопит в три раза громче, наконец, спрашивает со злостью:

– Что это значит?

– С чего это вы такой сердитый, господин Кийр? – приветливо осведомляется Маали. – Мы ведь только хотели узнать, куда вы так торопитесь?

– К чему эти расспросы? – ворчит рыжеголовый. – Вы же прекрасно знаете, куда я направляюсь.

– Ну да, вы совершенно правы, господин Кийр, но надо же было нам как-то начать разговор. Вы такой недоступный, мы, право, не знали, как к вам и подступиться. Вы даже на наше приветствие не дали себе труда ответить. Мы сказали «Добрый вечер, господин Кийр!»

При этом Маали вежливо кланяется насупившемуся молодому человеку и смотрит ему прямо в глаза. Примерно так же поступает и Длинная Юули, но заметно сдержаннее, чем младшая сестра.

– Добрый вечер, – бормочет в ответ на это портной и тотчас же понимает, что употребил неверный тон. Ответное приветствие, которое он выдавил из себя, получилось далеко не таким желчным, как ему хотелось бы. «И всё из-за этих проклятых заказчиков, – мысленно ругает он себя, – уже иначе как вежливым и быть не умеешь».

– Вот видите, – Маали улыбается, – теперь мы уже можем продолжить беседу.

– О чем же, собственно? – Кийр искоса смотрит на девушку.

– Знаете, господин Кийр, нам уже давно хотелось с вами поговорить, да всё не находили подходящего момента. Но теперь, мне думается, он настал. Может быть вы будете так любезны, господин Кийр, зайдете к нам ненадолго.

«Еще того не легче!» – думает Аадниель. Вслух же произносит:

– Нет, этому не бывать!

– Но почему же? Что здесь особенного? Зачем же нам стоять на холоде, если наша квартира тут же, рядом? Нет, право же, зайдите, выпьем по чашечке чаю, поговорим немного по-людски.

– Нет, нет! Говорите тут, если пришла охота, но заходить к вам я никак не стану. Лучше и не приглашайте.

– Но отчего же вы такой упрямый, господин Кийр? – произносит Юули чуть ли не просительно. – Пойдемте же! Мы ведь близкие соседи, это не Бог весть что, если вы разок к нам заглянете.

– И, кроме того, – замечает Клодвиг, – невежливо вынуждать нас разговаривать тут, на холоде. Или вы боитесь, как бы мы вам чего плохого не сделали? Ха-ха-ха-а! Нет, честное слово, господин Кийр, с вами ничего не случится. Идемте! Не упирайтесь!

При этих словах толстушка Клодвиг берет сухопарого портного под руку, тащит его за собою, словно соху, и кричит сестре:

– Подталкивай сзади, Юули!

Кийр упирается, сердится, называет действия сестер так и этак, но всё же, пытаясь освободиться, делает это не в полную силу. Где-то в глубине его существа даже возникает чувство приятности оттого, что две молодые девушки насильно куда-то его тащат. Он еще никогда не ощущал молодого женского тела так близко от себя. Разве что однажды... там... на проселке, ведущем к хутору Рая, когда пытался поцеловать Тээле, теперешнюю госпожу Тоотс, тогда... Но это было давно и он находился в таком возбужденном состоянии, что... Кроме того, до квартиры сестер еще несколько десятков шагов, он успеет в последний момент вырваться и пуститься наутек; и если он, Хейнрих Георг Аадниель, не первый бегун в Паунвере, то нет больше и справедливости на свете.

Но странным образом молодой мастер ощущает, что с каждым шагом сила его сопротивления уменьшается, не его физическая сила, а та, другая, Кийр чувствует, как его сердце начинает словно бы таять. И уже на пороге дома булочника ко всему этому добавляется еще и некое щекочущее сознание: и он тоже переживает теперь нечто такое... ну...

В жилом помещении сестер, расположенном рядом с рабочей комнатой, Кийра усаживают за стол. Клодвиг вынимает из печки горячий чайник и разливает по чашкам чай. Вскоре завязывается беседа о том, о сем, на всякие посторонние темы, но затем разговор словно бы начинает пускать корни, касаясь более важных вопросов, так сказать, по существу...

– Знаете ли, господин Кийр, – как бы между прочим замечает Помощник Начальника Станции, – в последнее время я частенько о вас думаю.

Гость делает большие глаза, прочищает нос и мысленно говорит себе: «Ну, это уж чересчур! Как бы там ни было, но такие откровения никогда не могут быть уместными».

– Да, правда, – продолжает портниха. – Частенько думаю и пытаюсь объяснить себе, почему это некоторые люди так враждебно к нам относятся.

– Как это? – хмурит Кийр брови.

– Нет, позвольте, господин Кийр. Поговорим совсем открыто, так мы скорее поймем друг друга. Когда мы с сестрой поселились в Паунвере, нам в первую же неделю стало яснее ясно, что вы и ваши родные нас невзлюбили.

– Как это? – вытягивает Кийр губы трубочкой. – Насколько мне известно, ничего плохого я вам не сделал.

Теперь он уже понимает, что разговор клонится вовсе не к тому, о чем ему поначалу думалось.

– Одну минуточку, господин Кийр! Хорошо, оставим в покое первую неделю, да и вторую тоже, каждый имеет право питать или не питать к другому человеку симпатию. Но именно в последнее время... нам стало прямо-таки неловко появляться на людях. Про нас ходят всякие странные слухи. И слухи эти... слухи эти... берут свое начало, как мне точно известно, именно в вашем семействе.

– Это ложь! – восклицает Кийр. – В нашем семействе никогда не ведут пустых разговоров.

Портниха вздыхает, ненадолго задумывается, затем спокойно продолжает:

– Если неприязнь возникла из-за того, что вы видите во мне конкурента, то для этого и впрямь нет сколько-нибудь достаточных оснований. Подумайте только, много ли работы, в сущности, может отнять у вас один человек? Да я и не стремлюсь иметь больше, чем надо, чтобы скромно прожить. Каждый жить хочет – не правда ли, господин Кийр? Для этого у меня есть лишь одна возможность – работать.

– Насколько мне известно... – пытается молодой мастер что-то возразить, но его перебивает Маали.

– Ах, Юули, – упрекает она сестру, – ты заходишь слишком далеко! Видишь – господин Кийр здесь и никакой неприязни к нам не выражает.

– И никогда ее не испытывал, – моргает рыжеголовый ресницами. – С чего бы это мне или кому-нибудь другому-третьему непременно испытывать к вам неприязнь! Каждый человек хочет жить. А если народ что и говорит – тут уж ничего не поделаешь! Или вы думаете, обо мне самом мало чего болтают? О да! Небось вы и сами слышали, как меня все время подкусывают. Чтобы не позабыть, скажу вам сразу же: пуще всего опасайтесь юлесооского Тоотса и его жены.

– Разве они такие плохие люди? – спрашивают сестры в один голос.

– Упаси Господь!

– Возможно ли это?!

– Да, увы, это возможно, – Кийр производит сожалеющее движение головой. – Я не хочу пускаться в долгие объяснения, да вы и сами все увидите, когда поживете здесь подольше. Вообще у меня в характере нет такой черты – выискивать у других недостатки и перечислять их. Но столько-то я все же скажу: если о вас пустили какую-нибудь сплетню, она может исходить лишь с хутора Юлесоо.

– Боже святой! – сокрушается Юули. – Ведь эти люди даже не знакомы с нами, так же, как и мы их не знаем.

– Это еще ничего не значит, – отвечает уже вошедший во вкус Кийр. – Есть порода людей, которым совершенно безразлично, кого они кусают, главное, чтобы было кого кусать. Да и вообще деревня Паунвере. – это такое место, где всякий наговор находит верящих; я вынужден

напрямик сказать, что это – убогое захолустье, от которого каждый приличный человек должен держаться по возможности дальше. У меня и у самого появляется желание уехать отсюда... все равно куда. Не хочу больше! Сыт по горло! Пусть тогда метут и мелют языками, сколько влезет. Хоть бы один порядочный человек был в деревне, а о том, чтобы иметь друга, и говорить нечего. Ходишь и живешь тут один как перст, не с кем и словечком перекинуться... вывернут все наизнанку и на другой день преподнесут тебе такое блюдо, какого и в страшном сне не увидишь.

Таким манером молодой мастер поворачивает острие пики против кого-то третьего, а вернее, против всего Паунвере, сам же он – лишь несчастный страдалец.

Помощник Начальника Станции вздыхает. На языке у нее уже вертятся два-три слова утешения коллеге, но она почему-то считает за лучшее приберечь их на будущее.

– Вот видишь, Юули, – весело произносит Клодвиг, – выходит, не одна ты несчастна, есть и другие. Наведите-ка справки, может быть здесь найдется и еще кое-кто, наведите справки, объединитесь и создайте Паунвереское Общество Угнетенных и Утомленных. Не понимаю, зачем принимать близко к сердцу, что говорят злые языки?! Пусть себе болтают! Я, к примеру, прекрасно знаю, что мне дали прозвище «Клодвиг», ну и что с того? Клодвиг... Хорошо, Клодвиг так Клодвиг!

– Ну что ты разболталась! – перебивает старшая сестра младшую.

Но Маали, как всегда, в хорошем настроении, она обхватывает шею Юули руками, мнет сестру, теребит, чуть ли не переворачивает вместе со стулом на пол и продолжает щебетать:

– Сестричка Юули нервная. У нашего маленького, крохотного Мальчика с Пальчик, у нашего Помощника Начальника Станции хворь точно такая же, как у больших господ: она нервная. Стоит кому-нибудь в деревне сказать какое-нибудь словечко, и сестричка Юули уже несчастна, смотрит, нет ли жилетки, чтобы в нее поплакаться, мечтает о душевном друге, с которым можно было бы разделить свое страшное горе... Да, да-а, ищет защиты, маленькая... на чьей-нибудь верной груди. Иди сюда, малышка, я поцелую тебя и поглажу по головке, и господин Кийр тоже сменит гнев на милость.

Юули вырывается из рук сестры, шаловливо бросает в нее хлебной коркой, приглаживает себе волосы, говорит, обращаясь к Кийру:

– Да, на чужой роток замка не повесишь. Но мне было бы вполтину легче жить, стань наши отношения с семьей Кийр более дружескими. Меня не покидает чувство, будто нас, в особенности меня, считают бессовестными завоевателями, которые только затем тут и появились, чтобы отобрать у кого-то работу. Мне уже давно хотелось поговорить с вами об этом поподробнее, господин Кийр, хотелось объяснить вам, что все обстоит далеко не так. Надо жить, и потому приходится что-то делать.

– Ну вот, снова начинается! – упрекает сестру Маали.

– Ну и пусть начинается. Я хочу в открытую высказать господину Кийру все, что лежит у меня на душе.

– Наше семейство, – произносит Кийр торжественно, причем склоняет свою рыжую голову набок, – всегда относилось к вам доброжелательно. Мой папа работает в Паунвере всю свою жизнь и, насколько я помню, у него доселе ни с кем не случалось распрей. К тому же он человек богобоязненный, так же, как и мама. Неужели вы и вправду думаете, будто для этих двух старых людей мир сразу стал тесным? Что же до меня, я за собой никогда не замечал такого стремления – вмешиваться в жизнь ближних своих... тем более, если эти ближние не сделали мне ничего плохого. О своих младших братьях говорить не стану – оба они еще мальчишки, и в нашей семье им вообще не позволено выражать свое мнение, в этом вопросе у нас в доме царит суровый порядок.

Аадниель делает небольшую паузу, моргает ресницами, чешет нос, бросает на каждую из сестер испытующий взгляд и заканчивает свое высказывание следующими словами:

– Так что нашему семейству можете вполне доверять, иной вопрос, сумеете ли вы поладить кое с кем другим. Ах да, я особенно предостерегаю вас еще от одного жителя Паунвере...

– Господи! – восклицает Помощник Начальника Станции. – Неужели тут и вправду столько недобрых людей?! Вы меня даже пугаете, господин Кийр.

– Ничего не попишешь. Лучше поостеречься, чем потом сожалеть. Если вы так уж не хотите, я могу и не называть его.

– Нет, отчего же! Так и быть, назовите – по крайней мере, мы будем знать, кого опасаться.

– Хорошо. Имейте в виду, самый злоязычный да и вообще самый испорченный человек в Паунвере – звонарь Либле.

– Ог-го-о! Тот самый, одноглазый?

– Да, именно тот самый. – Кийр кивает головой.

Внезапно в прихожей раздаются чьи-то на редкость тяжелые шаги, затем дверь открывается, и посетитель входит в совершенно темную рабочую комнату сестер.

– Кто бы это мог быть? – пожимает Клодвиг плечами, затем с некоторой долей неуверенности берет лампу и с порога освещает темное помещение. Кийр тоже вытягивает шею. Вначале ему видны лишь отливающая стальным блеском вязальная машина, мотки пряжи и какие-то черные бугры на стульях вдоль стены, и только потом он различает внушительный мужской силуэт вблизи дверей и испуганно отдергивает голову назад. Хейнрих Георг Аадниель знает этого человека, даже в известной мере имел с ним дело, – недели две-три тому назад тот заказал Кийрам костюм из домотканого сукна цвета ржавчины. Подобного сорта материи у заказчика, как видно, был солидный запасец: надетые на нем старый костюм и пальто были точно такого же цвета. «Он» – это младший (а может быть и старший) брат паунвереского корчмаря, появившийся тут так... в сретенье, приехав откуда-то из-под Тарту, где был (поди, проверь!) каким-то дельцом. По «Его» собственным словам, «Он» в свое время крупно торговал, однако некоторые жители округи упорно предпочитали видеть в нем барышника с темной репутацией, который не пропускал ни одной ярмарки. Кроме костюма и пальто цвета ржавчины у «Него» были еще такой же окраски волосы и брови. Его неопределенного размера сапоги хлябали на ногах и при каждом шаге описывали носами дугу, словно лезвия кос. Приходилось лишь удивляться тому, что эти странные обувки никогда не слетали с ног их хозяина. Вдобавок ко всему, от одежды и бороды описанного выше лица исходила острая вонь табака и трубочного нагара, а ужасные брань и проклятия, которые этот человек цвета ржавчины изрыгал, примеряя свой новый костюм, и которые Аадниель Кийр вынужден был выслушать, последний не забудет до конца жизни.

«Вы извели мое дорогое сукно! – гаркал тогда этот пахнувший гарью человек. – Вы страшнее моли. Моль может всего лишь побить сукно, всего лишь проделать в нем маленькие дырочки, а вы его кромсаете – чик-чик! – потом опять кое-как сметываете и думаете, будто то, что вы состряпали – костюм. А я вам скажу: эту одежду и на свинью надеть негоже, это – мешок!»

Все эти страшные слова молодой мастер хорошо помнит. Ему запомнилось также, как ужасный заказчик в конце концов схватил под мышку сверток с костюмом и кинул папе – прямо в его лысую голову! – один единственный серебряный рубль. Только один рубль за шитье целого костюма! «Жрите, чертовы отродья!» – рявкнул он при этом, и это было последнее, что от него слышали. Страшный заказчик вышел за двери и в сенях так поддал своим окованным железом сапогом их красивому петуху Плууту, что тот подлетел чуть ли не до потолка. Но вообще-то этот достойный представитель рода человеческого говорил мало, вообще-то он имел, так сказать, весьма массивный характер, и душа его была для окружающих за семью печатями. «Ух-Петух» – такое прозвище придумал ему какой-то зубоскал, и вскоре нашелся второй, который к этому добавил – «Который-Моложе», так что полностью титул младшего (?) брата корчмаря звучал так: «Ух-Петух-Который-Моложе». В числе его теперешних пря-

мых обязанностей входило прежде всего посидивание в принадлежащем брату заведении, где он должен был оказывать помощь посетителям корчмы в опустошении стопок... с утра до вечера... а иногда, случалось, и наоборот, потому что человеку не пристало быть односторонним. Двух вещей – и это подтверждали все выпивохи в один голос! – да, двух вещей Ух-Петух-Который-Моложе не делал сроду: 1) никогда ни капли не покупал на свои деньги, 2) никогда не пьянел.

И вот теперь этот самый господин, о котором шла речь выше, стоит в рабочей комнате сестер, и Кийр с интересом ждет, что же будет дальше. При появлении Клодвиги посетитель моргает от света лампы, топает ногами об пол, произносит одно единственное слово «ну» и, описывая дуги ногами своих чреватых опасностью сапог направляется в заднюю комнату. Ух-Петух-Который-Моложе и там также некоторое время таращит глаза и, наконец, громыкает, словно телега на булыжной мостовой:

- Здоровьица хозяевам дома!
- Здоровье пригодится! – отвечает Кийр тихонько, не спуская глаз с пришельца.
- Так ведь я не тебе говорю, – произносит гость, – я говорю здешним хозяевам.
- Ну, в чем дело? – спрашивает Маали, ставя лампу на стол. – Что вам угодно?
- Мне ничего не угодно, я пришел глянуть, что вы тут поделяете?

Сестричек берет оторопь. По-видимому, ни та, ни другая не знает, как поступить с этим необычным гостем. Даже Маали, такая смелая и находчивая во всяких ситуациях, совершенно теряется и устремляет взгляд в пол.

- Будьте добры, садитесь... – произносит она наконец неуверенно.

Ух-Петух-Который-Моложе не столько садится, сколько валится на стул, и комната сразу же наполняется вонью табака, трубочного нагара и прокисшего пива – смесь запахов, специфичная для каждой деревенской корчмы. Мучительное молчание в жилой комнате сестер кажется бесконечным. Помощник Начальника Станции щиплет скатерть, Маали крутит в руках блюдечко, а у Кийра напрочь вышибло из памяти, о чем он только что говорил в этой самой комнате.

Наконец «подгорелый мужик» кашляет, да так громко, что Аадниель Кийр даже вздрагивает, затем гость сплевывает на пол, находит в кармане кисет, сделанный из мочевого пузыря свиньи, и принимается набивать трубку.

- Так, – произносит он при этом, – о чем же мы теперь поговорим?
- Не знаю, – отвечает Маали. – Мы вас слушаем, ведь у вас к нам есть какое-то дело, иначе бы вы сюда не зашли.
- Д-да-а, дело. Гляньте, я припас конфеток.

С этими словами гость выкладывает на край стола несколько конфет и наблюдает исподлобья, какое действие произведет это на сестер.

– Дело... – продолжает он затем. – В корчме стало скучно, взял да и пришел глянуть, что вы тут поделяете. Хотел справиться насчет нового костюма, сошьете мне аль нет? Этот недоумок, – Ух-Петух-Который-Моложе тычет большим пальцем в сторону Аадниеля, – испортил мне отрез отменного сукна, чисто мешок сделал, так что надоть другой костюм заказать.

– Нет, – отвечает Юули, – на взрослых я не шью, только на мальчиков, да я и сделала всего-навсего два-три костюма и пальто.

- Ну а откель вы знаете, что я взрослый?

– Так ведь... – Юули хочет что-то ответить, но, как видно, тут же соображает, что подходящего ответа и нет вовсе. Она едва заметно усмехается и вопросительно смотрит на сестру: не поможет ли та управиться с этим господином.

Однако «этот господин» пребывает в уверенности, что очень удачно сострил и повторяет свой вопрос. – Быть посему, – решает он, в конце концов, – кто я ни есть, а костюм вы мне сошьете. Завтра я принесу сукно сюда, тогда и мерку снимете.

– Нет, не приносите, – возражает портниха. – Я не сумею вам сшить.

– Хо-хо-хо! – смеется гость. – Отчего ж не сумеете? Работа есть работа.

В таком духе спор по поводу костюма продолжается довольно долго. Кийру уже кажется, будто он сидит в этой комнате не с сегодняшнего, а со вчерашнего вечера. Он бы давно и с радостью ушел – только бы его и видели! – если бы знал, как на его уход посмотрит опасный посетитель. Кованный сапог этого страшили за просто мог обойтись с ним так же, как недавно с их петухом Плууту. Охваченный страхом рыжеголовый двигается вместе со стулом все дальше, в угол комнаты, моргает глазами и сопит. В то же время он видит мысленным взором ту старую березу возле моста через ручей Киусна, которая простирает к большаку свои высохшие ветви, словно бы хочет схватить путника.

После того, как трубка набита уже в пятый раз, Ух-Петух-Который-Моложе поднимается, наконец, кряхтя, со стула с намерением уйти. Кийр облегченно вздыхает, но тут же вынужден снова вздохнуть тяжело, – гость тычет пальцем прямо в его сторону и спрашивает:

– Этот крендель, небось, каждый вечер сюда таскается?

Щеки Кийра становятся такими же красными, как его волосы, возмущение и стыд со страшной силой обуревают душу молодого мастера.

– О ком это вы говорите? – спрашивает Юули дрожащим голосом.

– О том самом, – Ух-Петух-Который-Моложе тычет своим грязным мизинцем чуть ли не в нос Хейнриху Георгу Аадниелю.

– Позвольте вам сказать, – Кийр с отчаянной решимостью поднимается со стула, – что, во-первых, я не крендель и, во-вторых, это мое дело, часто или не часто я тут бываю.

– Ох-ох, ох-ох! – Младший брат корчмаря вынимает изо рта трубку и с прищуром рассматривает Кийра. – Гляди-ка ты! Костюм испортил, а еще пыжится!

– Да, – собирается рыжеголовый с духом, видя что «подгорелый мужик» не выказывает намерения напасть немедленно, – обзывать себя я не позволю!

– Поглядим, поглядим! – произносит гость. – Ну да Бог со всем этим, небось мужиков дорога сведет. – И, обращаясь к сестрам: – Так что, стало быть, с костюмом не выйдет?

– Не выйдет, – отвечает Маали, – мы за такую работу не беремся.

– Ну а зайти проведать, небось, можно?

На этот вопрос никто не отвечает. И поскольку не отвечает никто, то это делает уже с порога сам уходящий: – Стало быть, зайти проведать можно.

Гость удаляется точно таким же «хлябающим» шагом, каким и пришел. Некоторое время в комнате царит глубокая тишина, затем Клодвиг отворяет форточку и говорит:

– Посмотрим, выветрится ли отсюда когда-нибудь эта ужасная табачная вонь.

Затем с улыбкой обращается к Помощнику Начальника Станции: – Ну, сестричка Юули, у тебя лицо опять такое расстроенное, будто ты домового увидела. Но ведь это был вовсе не домовый, это был заказчик.

– Ужасный заказчик, – мотает головой старшая сестра.

– Странно, – в свою очередь мотает головою молодой портной, – зачем он, собственно, приходил? Не верю я в это заказывание костюма. Но отчего он зол на меня и на все наше семейство – это я знаю доподлинно: в нашей семье нет ни одного пьяницы и прибыли от нас корчмарь не имеет ни на грош, поэтому.

Разговаривают еще о том, о сем, пьют чай, после чего Кийр уходит... с весьма смешанными чувствами. Во-первых, это его неожиданное чаепитие в доме булочника... Скажи ему, Кийру, кто-нибудь вчера, что сегодня с ним приключится такая история, он сказавшего такое извел бы насмешками, изничтожил бы бранным словом, истребил бы сопением и презрением, – и вот вам, он, Кийр, побывал-таки там а гостях и... нельзя сказать, чтобы Помощник Начальника Станции и Клодвиг и впрямь оказались столь отвратительными людьми, какими он их до сего дня представлял. (Так личное знакомство примиряет иной раз враждующих, которые

дотолє разили друг друга словами и кололи писчими перьями.) Во-вторых, этот младший брат корчмаря, появившийся там как раз в то же самое время... И это еще вопрос – пришел ли он туда впервые или же заходил и прежде?

– Где это ты сегодня пропадал, Йорх? – спрашивает папаша Кийр, когда сын является домой.

– Да так, побыл немного в Паунвере, – отвечает Аадниель тоном полного безразличия.

– Где же именно?

– Ну, там... Повстречал одного старого школьного друга, поговорили.

– Кого же это?

– Ну этого, оттуда, с низины... оттуда...

– Откуда это – с низины?

– Ну, оттуда... Ах, папа, ты же его не знаешь.

Младший брат Бенно выглядывает из-под одеяла, словно хитрая куница, и почесывает себе ногу. Он знает старшего брата, как свои пять пальцев, и мигом догадывается: с Йорхом опять случилось что-то из ряда вон выходящее, Йорх врет.

III

Теперь позволим семейству Кийров спокойно лечь спать и не станем нарушать их мирный отдых, – после дневной работы каждый смертный вправе вкусить блаженство сна. К счастью, они живут не где-нибудь, а в деревне, в одноэтажном домике, где и внутри, и снаружи царит тишина. На втором этаже не пирует и не предается ночному веселью какая-нибудь взбравшаяся на кочку лягушка или какой-нибудь внезапно разбогатевший медноголовый Пудрутийт, равно как не воюет над их головами какой-нибудь торговец Спейль со своей тещей, кровожадной, словно пантера. А внизу никто не занимается разнообразной ночной деятельностью – не грохочет, не колет дрова, не хлопает дверьми, угрожая превратить в груды обломков весь дом и еще полдюжины соседних. За стеной старая дева из онемеченных эстонцев не завывает в сопровождении рояля, словно ведьма о семи хвостах или бабушка старого заморского черта. Все это имеет место в городе, в красивых двух- и трехэтажных домах, на окна которых многие из деревенских жителей посматривают с завистью. О, если бы они – и члены семейства Кийров и весь прочий деревенский люд, живущий в одноэтажных домах – умели ценить свой домашний покой!

Но что есть – то есть, и с нашей стороны, во всяком случае, было бы не особенно корректно заявляться к ним среди ночи, чтобы напомнить, какие они, в сущности, счастливые. Поэтому – и да будет покой! И если пишущий эти строки еще раз посмеет затронуть в этой главе Кийров, как молодых, так и старых, пусть ему вплоть до его смертного часа так и не удастся поселиться в одноэтажном доме. После смерти он может там и обосноваться – до этого нам уже нет дела.

Вместо того, чтобы тревожить в ночное время порядочных жителей Паунвере, пойдемте-ка лучше да проведем других своих паунвереских друзей и послушаем, о чем они разговаривают. Но прежде пусть читатель наденет себе на руки толстые рукавицы, на ноги – валенки с высокими голенищами и подпоясается кушаком. Потом пусть под этот кушак как-нибудь исхитрится запихать добротный тулуп, под тулуп – пиджак из домотканого сукна, а по мне так под пиджак можно еще и какой-нибудь свитер. Прodelав все это, пусть читатель возьмет в руки крепкую палку (на некоторых местных хуторах встречаются собаки точь-в-точь такие же злые, как городские соседки из старых дев) и пусть подождет меня где-нибудь... ну, скажем, возле паунвереской школы – я скоро приду. Тогда мы прошагаем, примерно, две версты по зимней дороге и зайдем в гости на хутор Юлесоо к супружеской паре Тоотсов.

Уже давно замечено и даже где-то записано, что ни одна супружеская жизнь не заканчивается свадьбой, а именно с нее-то и берет начало. Случается, у иных мужа и жены, думавших, что попали в теплое гнездышко, после свадебного веселья становится такое лицо, будто они – выпавшие из гнезда птенцы. Это бывает, когда настает черед так называемых будней.

Точно так же и тут: свадьба Йоозепа Тоотса, молодого хозяина хутора Юлесоо, была куда как веселой и приятной, да и о днях наведения послесвадебного порядка ничего плохого не скажешь, но гляди-ка ты – прошло еще несколько дней, и жизнь на хуторе Тоотсов совершенно разладилась. Дало о себе знать обстоятельство, последствия которого Йоозеп уже давно должен был бы предвидеть, а именно: в Юлесоо некуда поселить жену.

В задней комнате кряхтел и стонал больной старик-отец, передняя комната, как водится, была общей для всей семьи. Вдобавок ко всему, Тээле на своем новом месте жительства не знала, к чему приложить руки, – два-три раза она пыталась помочь старой хозяйке, но у молодой жены сразу же возникало такое ощущение, будто она вмешивается в чужие дела. В то же время старая хозяйка стала ей ставить препоны и отстранять от работы, мол, незачем ей, молодой, руки пачкать, небось справятся и без нее, и так далее. Тогда Тээле села за привезенное

с хутора Рая пианино и попыталась немного поиграть, но старый хозяин сразу же начал в кровати кашлять и сказал просительно:

– Золотце, оставь это, меня аж до мозга костей пробирает.

Все это видит и слышит и сам Тоотс и приходит в отчаяние. Это один из тех редких случаев, когда он напрочь теряет свой юмор и полностью оказывается во власти тяжелых мыслей. Что делать? Но что сделаешь среди зимы, когда на дворе мороз?! Жилой дом хутора Юлесоо мал и убог, и таким останется, пока его не перестроят или же не выстроят на замену совершенно новый. Правда, старшее поколение в старый дом вмещалось, но молодое из него выросло.

И сразу же возникает вопрос: на какие средства, собственно, строить? Сейчас хороший санный путь, самое время возить бревна для нового дома, но у каждого бревна есть одно неприятное свойство: оно стоит денег. А последних на хуторе Юлесоо так много, что, пожалуй, можно сказать, что и нет вовсе. Пойти на хутор Рая к богатому тестю Йоозепа? Нет, на это ему, Тоотсу, не решиться. До тех пор, пока там не заговорят о деньгах сами, и он тоже будет молчать. Вот так и молчит молодой муж и глава семьи и с утра до вечера треплет лен, отчего руки его становятся шершавыми, точно карды.²

Однажды Тээле отправляется на хутор Рая, словно бы погостить, однако домой уже не возвращается. Тогда Тоотс запрягает лошадь и едет за женой.

– Почему, собственно, я должна вернуться? – спрашивает Тээле с невинным видом. – Что мне там делать? Разумеется, я стану иной раз навещать тебя, но здесь у меня есть своя комната.

– Гм... – произносит Тоотс. – Это, конечно, так, но все же будет очень странно, ежели мы начнем жить врозь.

– Хорошо, а если вместе нам жить негде? Там ведь нет места.

Услышав такое, Тоотс чувствует, как все его тело начинает мелко и часто дрожать. И надо же было случиться этому так скоро! А холодность, с которой Тээле произнесла эти слова!

– Но что же мне в таком случае делать? – смотрит он наконец своей молодой жене в глаза. – Ты же знала, какой у нас дом. Я ничего от тебя не скрывал.

– Ох, Йоозеп, я ведь и не обвиняю тебя. И вообще не стоит воспринимать все это так трагически. Жить врозь, жить врозь! – что же в этом странного?! Один раз ты придеешь ко мне в гости, другой раз я к тебе – так и станем жить, словно утренняя Заря и Закат.³ Разве не чудесно?

– Да, – повторяет Тоотс в раздумье. – Заря и Закат...

– Ну да... Нет, ты не обвиняй меня, ведь и я тоже ни в чем тебя не обвиняю. В Юлесоо за что ни возьмешься – всюду на твою мать натыкаешься, а я не хочу сидеть, сложа руки, да, в сущности, там и нет места, где можно бы, сложа руки, посидеть. Подумай, дорогой Йоозеп, и ты сам поймешь, что так будет лучше: ты – там, я – тут.

– Даа... И как долго такое будет продолжаться?

– Ну... я не знаю.

Тоотс вновь задумывается и теребит свои усы с рыжинкой. Ну вот, он и заполучил свою Тээле, он имеет жену – и не имеет, не имеет, но имеет все же. Он никогда не обращал внимания на людские пересуды и, тем не менее, теперь ему становится страшно.

– Было бы самое правильное, – медленно и неуверенно произносит он, наконец, – построить новый жилой дом.

– Ну да, – отвечает Тээле просто, – это намерение плохим назвать нельзя.

– Но когда начнешь думать, сколько это потребует времени и...

– Да, кое-чего это, разумеется, требует.

² Карда – репейная или железная щетка, чесалка, для чески шерсти и хлопка – Ant

³ Утренняя Заря и Закат – персонажи очень красивой легенды: в силу обстоятельств они могли быть вместе лишь краткое мгновение, когда Закат передавал Солнце утренней Заре, остальное же время жили врозь, отчего их любовь вечно оставалась молодой.

Тоотс замечает ироническую усмешку на лице жены, и настроение его падает еще больше. Стало быть, вот каковы они – совет и помощь, которых он ждал от Тээле! Его просто-напросто бросили наедине со всеми его заботами. А ведь не далее, как прошлым летом эта же Тээле сама предлагала ему помощь. Что за новая и странная причуда, которой его собираются опять мучить? Или жена хочет для начала просто-напросто унижить его? Хочет, чтобы Тоотс попросил у нее помощи? Ну, если это так, ему прежде, чем предпринять что-нибудь, надо все как следует обдумать. Похоже, начинается одно из первых супружеских испытаний – проба сил, поэтому именно теперь нельзя проявлять слабость – настолько-то он, Йоозеп Тоотс из Паунвере, все же соображает. А если уж отдавать брюки жене, подчиниться ее власти, надо это делать сразу... без борьбы... расплакаться у нее на груди, мол, он, Тоотс, слабый и беспомощный – и позволить собой управлять и помыкать. Во всяком случае – либо то, либо это, потому что иначе, как ужасными взаимоотношения супругов, у которых проба сил продолжается до бесконечности, не назовешь. Да, нет в супружестве ничего более страшного, чем всплески депотизма с той или другой стороны. После короткого упоения победой наступает реакция в виде сожаления и сентиментальности, однако в то время, когда кажется, будто все опять в порядке, противная сторона, сама того не замечая, в сущности, еще туже скручивает свой хвост кольцом.

Все это Йоозеп знал, ибо был, как говорится, человеком с открытыми глазами и за свою жизнь много чего успел подметить.

– И это все, что ты можешь мне сказать, Тээле? – тихо спрашивает хозяин Юлесоо.

– Да, я не нахожу, что еще сказать тебе сверх этого.

– Ну что же, – направляется Йоозеп к выходу, – так и быть. Поживем поначалу как Заря и Закат. Небось время покажет, что из этого выйдет. Я, правда, никогда бы не поверил, что уеду отсюда домой один, но теперь приходится поверить. Ну так будь счастлива, Заря, и не забывай своего Заката...

Произнеся это, хозяин Юлесоо выходит в прихожую, не посмотрев ни направо, ни налево. Тээле глядит ему вслед, уголки губ ее вздрагивают, затем окликает:

– Йоозеп! Погоди немного!

Этот призыв Тоотс прекрасно слышит, но заставляет свое сердце стать твердым как камень, выходит во двор, отвязывает лошадь от перил и мчится в направлении хутора Юлесоо.

«Иметь дело с женщинами так же трудно, как танцевать среди куриных яиц, – твердит Тоотс про себя известную старую поговорку. – Этому надо учиться семь лет и еще один день». И – проехав немного дальше: «Если бы женщины были сотворены даже из стекла, они и тогда бы не просвечивали». И – преодолев еще часть пути к дому: «Во всяком случае, было бы куда как правильнее, ежели бы я сначала построил дом и только потом женился. А я начинаю свою жизнь, словно ребенок, который изображая человека, рисует голову и сразу под нею – ноги. Не хватает туловища, то есть, дома».

IV

Не доезжая нескольких десятков шагов до перекрестка, Тоотс нагоняет какого-то пешего, одетого в полушубок и шапку-ушанку. Пешеход отступает в сторону в ожидании, когда ездук промчится мимо. Однако ездук не мчится мимо, а резко осаживает лошадь и кричит:

– Садись в сани, Либле!

– Ого! – отзывается старый паунвереский звонарь. – Видали, вроде как юлесооский хозяин собственной персоной! Откуда это вы жалуете, господин Тоотс?

– Садись, небось, по дороге скажу.

Либле залезает в сани, стаскивает рукавицу, обменивается со старым другом рукопожатием и продолжает:

– Вы вроде как тестя проведать ездили?

– Нет, – мотает Тоотс головой, – тестя я сегодня не видел, да у меня сейчас и нет охоты его видеть. Ездил... Знаешь, Либле, куда я ездил?

– Не знаю. Откуда ж мне знать? Ежели вы не у тестя были...

– Ездил к жене.

– К какой такой жене?

– К своей.

– Вот те на! – Либле крикает и смотрит на Тоотса вытаращенными глазами. – С какой же это поры она снова в Рая живет?

– Да уже дня два. Даже и больше.

– Ну так она ж, небось, там не останется?

– Останется.

– Что вы говорите, господин Тоотс! Вы вроде как шутки шутите. Я знаю – зубоскал вы отменный!

– Нет, Либле, не шучу. – Хозяин Юлесоо направляет лошадь, а вместе с тем и разговор, на другую дорогу. – Ежели у тебя есть немного времени, поехали в Юлесоо, там поговорим.

– Время у меня нынче есть. Скоро уж стемнеет, куда ж мне еще идти.

– Хорошо. Но одно я должен тебе сказать, Либле – будь хоть раз в жизни настоящим мужиком и придержи свой язык. Все, что я тебе сегодня открою, должно поначалу оставаться тайной.

– Оно так, но дорогой господин Тоотс, когда ж это было, чтобы я своим языком нанес вам хоть какой урон?

– Хорошо, хорошо. Дело в сущности, в том, что...

Йоозеп Тоотс объясняет Либле свое теперешнее положение и с особой силой подчеркивает то обстоятельство, что теперь он, Тоотс, от раяского старика уже и гроша не примет, даже если и начнут предлагать. Скорее он станет жить под стрехой, чем станет строить новый дом на деньги, выпрошенные у тестя. И тут вдруг в голове юлесооского хозяина возникает догадка, а не жене ли он обязан тем, что тесть до сих пор не заговорил о деньгах, – может быть это, да и другие штучки придуманы ею лишь для того, чтобы его, Тоотса, помучить?

Но именно поэтому хочет он теперь доказать мучительнице, что в состоянии подняться на ноги без посторонней помощи.

– Что ж нам в таком разе делать? – спрашивает Либле, и при этом лицо у него чуть ли не испуганное, а подобное случается с ним довольно редко.

– Именно это я и хотел у тебя спросить, Либле. Ты всегда такой башковитый и смекалистый, покажи и теперь, на что ты способен.

– Башковитый и смекалистый, – ворчливо повторяет Либле. – Где ж мне быть башковитым и смекалистым, ежели у меня одна нога вроде как в могиле, другая – на краю могилы...

– Ну что ты опять турусы на колесах разводишь! – движением руки останавливает его Тоотс. – Вот ведь взял моду – ходишь вокруг да около, нет чтобы сразу дело говорить.

– Какое там, – пожимает Либле плечами, – откуда ж мне так единым разом скумекать, что к чему. Я вроде как и смекаю о деле-то, когда вокруг да около хожу.

– Ну так отходи, сколько нужно, и скажи, что скажешь.

– Построим новый дом.

– На какие шиши?

– А разве ж в наличности денег уж и вовсе не осталось?

– Вовсе! Что значит – вовсе? Что проку, ежели я, к примеру, десять или пятнадцать бревен к себе на двор привезу, дом-то из них все равно не выстроишь.

– Погодка-то сейчас самая что ни на есть подходящая бревна возить, – произносит Либле, оглядывая большак.

– Да, подходящая. Ежели бы еще было, что возить.

– Но послушайте, господин Тоотс... – После того, как звонарь закурил свою самокрутку и сделал две-три отменных затяжки, он вдруг становится башковитым и смекалистым. – Вы вроде как говорили, будто вам полагаются от Пеэтера Лесты деньги. Он что, и не думает долг отдавать?

– Отчего же не думает, только этого все равно мало.

– Мало?! Но послушайте, тогда я скажу вам еще кое-что. Лен у вас вроде как еще не продан, так? Картошка на мызу не свезена, так? Одному подсвинку уже тесно стало в загоне, так? Только и дела – пустить кровушку да отвезти в город. Сложите все это да прикиньте, какой толк выйдет. Да ведь вам всех денег одним разом и не надобно. Привезем сейчас по зиме материал домой, небось весной видно будет, что к чему. Ежели очень припрет, можно получить под хутор ссуду. А еще, дорогой Йоозеп, учитывайте и то, что рано или поздно раяский старикан развяжет все ж таки свою жирную мошну и предложит вам денег. Пусть только он по первости увидит, что у вас есть хватка и старание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.